

УДК 1(438:47)(09)
ББК 87.3(4Пол:2Рос)

ПОЛЬСКИЕ ФИЛОСОФЫ И ПЕТЕРБУРГ: ФОМА ПАРЧЕВСКИЙ И ДРУГИЕ

ТЕРЕЗА ОБОЛЕВИЧ

Папский университет Иоанна Павла II в Кракове
ул. Канонича, 9, г. Краков, 31-002, Польша
E-mail: tereza.obolevich@upjp2.edu.pl

Рассматривается творчество польских философов, которые были связаны с Санкт-Петербургом. С использованием синтетическо-аналитического метода представлены петербургский период жизни и философские взгляды польских мыслителей начала XIX века (Иероним Страховский, Адам Мицкевич), польских преподавателей и студентов Петербургского университета (Фаддей Зелинский, Лев Петражицкий, Чеслав Знамеровский, Мариан Здзеховский), Императорской Римско-католической духовной академии (Идзи Радзишевский, Юзеф Пастушка), а также Станислава Виткация. Особое внимание уделено деятельности ученика Николая Лосского Фомы Парчевского, занимавшего должность губернатора Кронштада и преподававшего философию в учебных заведениях Петрограда, Витебска и Астрахани. Впервые публикуется переписка Ф. Парчевского (в переводе на русский язык) с известным польским философом Казимиром Твардовским, касающаяся, кроме прочего, организации конгресса.

Ключевые слова: рецепция русской философии, философия права, метафизика, гносеология, психология, философский съезд, интуитивизм.

THE POLISH PHILOSOPHERS AND PETERSBURG: TOMASZ PARCZEWSKI AND OTHERS

TERESA OBOLEVITCH

The Pontifical University of John Paul II in Krakow
9, Kanonicza St, Krakow, 31-002, Poland
E-mail: tereza.obolevich@upjp2.edu.pl

In the article the creative work of the Polish philosophers who had been connected with St Petersburg is regarded. Using synthetico-analytical method, the author presents St Petersburg's period of life and philosophical views of the Polish thinkers of the beginning of the 19th century (Jerome Strakhovsky, Adam Mickiewicz), as well as the Polish professors and students of St Petersburg University (Tadeusz Zieliński, Leon Petrazycki, Czesław Znamierowski, Marian Zdziechowski), The Imperial Roman Catholic Theological Academy (Idzi Radziszewski, Józef Pastuszka) and Stanisław Witkiewicz. The special attention is paid to the activity of Nikolay Lossky's student, Tomasz Parczewski. He held a post of the governour of Kronstadt and taught philosophy in Petersburg, Vitebsk and Astrakhan. The correspondence of T. Parczewski with the famous Polish philosopher, Kazimierz Twardowski, concerning, among others, the organisation of the congress, is published at first time.

Key words: Reception of Russian philosophy, philosophy of law, metaphysics, gnoseology, psychology, philosophical congress, intuitionism.

*Описать (...) Genius Loci Петербурга сколько-нибудь точно –
задача совершенно невыполнимая*

Н.П. Анциферов¹

Введение

Слова Н.П. Анциферова, взятые в качестве эпиграфа, передают то настроение, которое возникает при любой попытке охарактеризовать значение Санкт-Петербурга в интеллектуальной и духовной жизни не только российского, но и европейского и даже мирового сообщества, в том числе в становлении и развитии философской культуры. По словам О.О. Дмитриевой, «магнетизм Петербурга оказался символом русской духовной традиции, трагедии русской европейской культуры, где прилагательные “русский” и “европейский” равнозначны» [2, с. 206].

Петербург, соединяя в себе лучшие традиции русской и европейской цивилизации, по праву может считаться центром философии в России. Здесь писали мыслители эпохи Просвещения, включая «философский» екатерининский век: В. Татищев, М. Ломоносов, А. Радищев; здесь протекало творчество «величайшего русского метафизика» Ф.М. Достоевского; здесь преподавал «отец русской философии» В.С. Соловьев, а также такие корифеи, как Н.О. Лосский, С.Л. Франк, А.И. Введенский, И.И. Лапшин и многие другие; здесь действовало философское общество и издавались многочисленные журналы и книги. Наконец, из Петрограда в 1922 г. отплыл один из печально известных «философских пароходов» с выдающимися мыслителями на борту. Кроме того, в стенах Петербургского университета работали и получали образование выдающиеся зарубежные философы – начиная от учеников Х. Вольфа, которые заложили основы оригинальной русской мысли, и заканчивая студентами-иностранцами (в основном жителями западных земель Российской Империи): чешскими (Томаш Масарик), немецкими (Николай Гартман), польскими и др.

Профессор Российской христианской гуманитарной академии Александр Ермичев написал, что «какое-то особое “петербургское” направление в русской мысли искать не нужно. “Петербургское” в философии есть то новое, что внесено в русскую и мировую философию петербуржцами – не более» [3, с. 494]. С этой точки зрения польские философы, так или иначе связанные с Санкт-Петербургом, являются полноценными представителями философии этого города. В качестве иллюстрации взаимопроникновения польской и русской философской мысли рассмотрим деятельность ученика Николая Лосского Фомы Парчевского.

¹ См.: Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Genius Loci Петербурга // Москва – Петербург: pro et contra. Антология: диалог культур в истории национального самосознания / ред. К.Г. Исупов. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. С. 420 [1].

Настоящее исследование имеет пропедевтический и несколько тезисный характер. Для полноты картины были привлечены архивные материалы².

Польские философы в Петербурге: общий обзор

У истоков

Польские интеллектуалы принимали активное участие в культурной жизни России и Петербурга уже в XVIII и начале XIX века. Здесь с 1828 по 1829 г. жил национальный польский поэт Адам Мицкевич (1798–1855)³, который был дружен с А.С. Пушкиным, декабристами, а также славянофилами. Факт пребывания Мицкевича в столице России отмечен многими историками философии; в 1898 г. В.С. Соловьёв произнес в честь его блестящую речь, а в 1920 г. Д. Мережковский прочел в Вильне лекцию «Россия, Польша и Мицкевич». По мнению Чеслава Милоша, именно Мицкевич явился вдохновителем мотива Петербурга в русской литературе⁴.

Кроме того, стоит вспомнить о творчестве Иеронима Стройновского (1754–1815), первого ректора Виленского императорского университета, который в 1802 г. по просьбе Александра I сыграл важную роль в разработке положений реформы системы образования в России. Стройновский являлся членом Экономического общества в Санкт-Петербурге, а с 1807 г. – римско-католической духовной коллегии в столице России. Он известен также как автор сочинения «Наука права природного, политического, государственного хозяйства и права народов» (1785), которое в 1809 г. было переведено на русский язык Василием Анастасевичем⁵. Несмотря на определенный эклектизм его воззрений (Стройновский сочетал в своем учении элементы концепций Г. Гротия, Т. Гоббса, Дж. Локка, Х. Вольфа, а также стоиков и физиократов), он в значительной степени способствовал развитию философии права в Польше и России. За свои заслуги в 1806 г. был награжден императорским орденом св. Анны первой степени.

² Я выражаю искреннюю благодарность проф. Павлу Поляку из Папского университета Иоанна Павла II в Кракове за важные сведения о пребывании польских философов в Петербурге, проф. Анне Брожек за неоценимую помощь в поиске материалов из архива Казимира Твардовского, хранящегося в Институте философии и социологии Варшавского университета, проф. Златице Пласенковой из Братиславского университета за возможность познакомиться с письмом Ф. Парчевского К. Воровке, а особенно Сергею Георгиевичу Парчевскому, внуку Фомы Парчевского, за присланные материалы и сведения о своем знаменитом деде.

³ См.: Беккер И.И. Мицкевич в Петербурге. Л.: Лениздат, 1955. 276 с. [4].

⁴ См.: Хорев В.А. Восприятие России и русской литературы польскими писателями (Очерки). М.: Индрик, 2012. С. 197 [5].

⁵ См.: Стройновский И. Наука права природного, политического, государственного хозяйства и права народов. Классическое сочинение г. Виленского епископа Иеронима Стрешмен-Стройновского коадьютора Епископа Луцкого, духовной Римско-католической коллегии, Флорентской Академии наук, обществ Петербургского Экономического и Королевского Варшавского любителей наук Члена, заслуженного Профессора и бывшего Ректора Императорского Виленского Университета и проч. / пер. В. Анастасевича. СПб.: Медицинская типография, 1809. 295 с. [6].

Преподаватели Петербургского университета

Петербург стал привлекать польских интеллигентов особенно в конце XIX – начале XX века, когда правительство России ввело новую политику по отношению к иностранцам. Согласно статистическим данным, в 60-х годах XIX века здесь жило 11 тысяч поляков, в 1900 – более 38 тысяч, а в 1914 г. – уже около 70 тысяч⁶. В 1896 г. на Забалканском проспекте, 18/20, была основана польская студенческая столовая, действующая до 1918 г., которая являлась местом встреч польской элиты – профессоров, журналистов, врачей, юристов⁷.

Немало философов польского происхождения преподавало в Петербургских вузах. Речь идет, прежде всего, о Петербургском императорском университете и Императорской Римско-католической духовной академии. Последняя, открытая в 1842 г. на базе Виленской духовной академии, готовила священников преимущественно для польских (хотя не только) католиков. По этой причине изучение деятельности польских католических мыслителей в столице Российской Империи составляет тему для отдельного исследования. Здесь же мы упомянем только об одном философе – последнем ректоре академии, отце Идзи Бенедикте Радзишевском (1871–1922), который после ее закрытия в 1918 г. создал на ее основе частный Люблинский католический университет, действующий с 1922 г. Отец Радзишевский сам был студентом Петербургской духовной академии, хотя его взгляды как философа сформировались в католическом университете Лёвене в Бельгии, где он получил докторскую степень. Он стоял у истоков польской неосхоластики (неотомизма). Радзишевский занимался исследованием происхождения религии, а также проблемой отношения между богословием и естественными науками (в частности, теорией эволюции). Будучи профессором и ректором Петербургской академии, он популяризировал творчество св. Фомы Аквинского. В 1916–1918 гг. Радзишевский возглавлял в Петрограде Высшие польские курсы.

Одним из наиболее известных профессоров Санкт-Петербургского университета был выдающийся исследователь античной культуры Фаддей (Тадеуш) Зелинский (1859–1944). В Петербурге он преподавал с 1887 года по 1920 год, вплоть до своего переезда в Польшу, а в 1906–1908 гг. даже состоял деканом Историко-филологического факультета. Он воспитал многие поколения русских антиковедов. А.Ф. Лосев, который, по его словам, не имел счастья учиться у Зелинского, тем не менее считал его своим наставником и «идеалом ученого», совмещающим в себе «филолога-классика, поэта и критика»⁸. Зелинский был не

⁶ См.: Вступительное слово // Парчевский Т. Записки губернатора Кронштадта / пер. Е. Гендель. СПб.: Отдел культуры и науки Генерального консульства Республики Польша в Санкт-Петербурге, 2009. С. 10 [7].

⁷ См.: Вступительное слово // Парчевский Т. Записки губернатора Кронштадта. С. 9; Поляки в Петербурге // Парчевский Т. Записки губернатора Кронштадта / пер. Е. Гендель. СПб.: Отдел культуры и науки Генерального консульства Республики Польша в Санкт-Петербурге, 2009. С. 25 [8].

⁸ См.: Лосев А.Ф. В поисках смысла (из бесед и воспоминаний) // Страсть к диалектике. Литературные размышления философа / сост. В. Ерофеев. М.: Сов. писатель, 1990. С. 19 [9]; Krocak J. Tadeusza Zielińskiego i Aleksego Łosiewa rozważania nad antykiem // Przegląd Filozoficzny – Nowa Seria. 2014. № 2. S. 47 [10].

только автором многочисленных штудий, посвященных древнегреческой и римской культуре и ее влиянию на творчество последующих поэтов и писателей (в том числе, А.С. Пушкина), но и переводчиком античных классиков на русский язык. Кроме того, он преподавал творчество Адама Мицкевича на Высших женских курсах, с 1914 по 1916 г. был председателем Польского школьного совета в Петербурге, активно сотрудничал с Вольной философской ассоциацией (Вольфилой)⁹. Зелинский писал о себе, что у него польское тело, немецкий ум и русская душа¹⁰.

С Петербургом была также тесно связана судьба философа, социолога и правоведа Льва (Леона) Петражицкого (1867–1931). В 1898 г. Петражицкий защитил в Петербургском университете докторскую диссертацию по римскому праву и в течение 20 лет (1898–1918) возглавлял в нем кафедру энциклопедии и истории философии права, создав собственную школу и развивая теорию психологического права и политики права. Как и Зелинский, Петражицкий принадлежал сразу к нескольким культурам. Студенты острили: «Он думает по-польски, пишет по-немецки, а лекции читает по-русски»¹¹. Среди его учеников – социологи П. Сорокин и Г. Гурвич, а также глава временного правительства А. Керенский. Сам Петражицкий принимал активное участие в общественно-политической деятельности России: состоял депутатом Первой государственной думы от партии кадетов, разрабатывал ряд реформ по демократизации и модернизации страны. Именно в Петербурге были написаны его наиболее известные работы: «Очерки философии права» (1900), «Введение в изучение права и нравственности: Эмоциональная психология» (1905), «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» (1907), «Университет и наука» (1907), «О женском равноправии» (1915). Петражицкий был также деканом Высших женских курсов, членом Юридического общества и первым президентом Общества польских юристов и экономистов, основанного в Петербурге в 1915 году.

Польские студенты в Петербурге

Как всякая столица, Санкт-Петербург, словно магнит, притягивал молодежь со всех сторон Империи. Многие польские студенты также предпочитали учиться в этом городе, а не в Варшаве или Вильне. Немалую роль играло то, что здесь находился не только университет, но и вышеупомянутая Римско-католическая духовная академия, среди студентов которой следует особо выде-

⁹ См.: Федоров В.С. Из истории петроградской Вольфила // Вече. 1999. Вып. 12. С. 195–196 [11]; Белоус В.Г. Вольфила, или кризис культуры в зеркале общественного самосознания. СПб.: Миръ, 2007. С. 210 [12].

¹⁰ См.: Axer J. Tadeusz Zieliński wśród obcych // Tadeusz Zieliński (1859–1944). W 150 rocznicę urodzin / red. E. Olechowska. Warszawa: Instytut Badań Interdyscyplinarnych «Artes Liberales» UW, 2011. S. 13 [13].

¹¹ См.: Хлытчиева С.М. Воспоминания юристки первого выпуска // Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918 гг.) / ред. С.Н. Валка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. <http://law.spbu.ru/testexlib/testexlibra/c720d3fe-80c0-4f0e-b226-b10f5b5d1e9a.aspx> [14].

лить Юзефа Пастушку (1897–1989), впоследствии первого декана факультета философии Люблинского католического университета, хотя он проучился в Петербурге всего три года (с 1915 по 1917 г. – в духовной семинарии, а в 1917–1918 – в академии). Отец Пастушка занимался философской психологией и историей, описал Петербург в период большевистского переворота 1917 г.

Студентом Санкт-Петербургского университета был выдающийся польский философ, этик и правовед Чеслав Знамеровский (1888–1967), впоследствии критик Льва Петражицкого. Ему также довелось недолго учиться в Петербурге, с 1906 по 1907 год, тем не менее начало его философского образования связано с этим городом.

Однако наиболее важную роль в построении мостов между русской и польской культурой сыграл Мариан Здзеховский (1861–1938)¹². Он также был студентом Петербургского университета, где учился на историко-филологическом факультете, а завершил свое образование в Дерптском университете. Здзеховский, который первоначально был русофобом, во время учебы в Петербурге глубоко проникнулся духом русской философии¹³. Огромное впечатление произвела на него публичная защита докторской диссертации В.С. Соловьева в 1880 г. в Петербургском университете. По его воспоминаниям, тогда он увидел пророка, «который пришел из другого мира»¹⁴. Польский ученый состоял также в переписке со многими замечательными русскими писателями, мыслителями, учеными: Л.Н. Толстым, Н.С. Арсеньевым, С.Н. Булгаковым, П.Д. Струве, кн. Сергеем и Евгением Трубецкими, Б.Н. Чичериным и др. В 1924 г. Здзеховский прочел цикл лекций (которые слушали Григорий Трубецкой, Николай Бердяев, Дмитрий Мережковский и др.) о русском религиозном гении в Сорбонском университете в Париже, подчеркивая роль русской философской и богословской традиции¹⁵. Здзеховский вспоминал, что однажды ему довелось праздновать Пасху в Петербурге. Приподнятая атмосфера, звон колоколов, торжественные песнопения произвели на него такое впечатление, что он написал: «Сегодня я понимаю, что в такие минуты чудесное видение воскресения в преображенном человечестве посещала тех благороднейших сынов России, тех мыслителей и поэтов, в творчестве которых отражаются мысли христианского Востока» [19, с. 152].

В 1887 г. Мариан Здзеховский издал (под псевдонимом М. Урсин) свою первую книгу «Очерки из психологии славянского племени», которая впоследствии послужила основой его диссертации (написанной по-польски) «Мессиянисты и славянофилы», защищенной в Кракове годом позднее. Именно тогда

¹² См.: Wasilewski W. Marian Zdziechowski wobec myśli rosyjskiej XIX i XX wieku. Warszawa: Wydawnictwo «Neriton», 2005. 281 s. [15].

¹³ См.: Paprocki H. Recepcja rosyjskiej myśli religijnej w Polsce // ELPIS. 2005. № 11–12. S. 193 [16].

¹⁴ См.: Zdziechowski M. Od Petersburga do Leningradu. Wilno: Drukarnia Jana Bajewskiego, 1934. S. 105 [17].

¹⁵ См.: Zdziechowski M. Od Petersburga do Leningradu. S. 157; Zdziechowski M. Stary Kraków // Wybór pism. Kraków: Znak, 1993. S. 20 [18].

состоялась его единственная личная встреча с Соловьевым в петербургской гостинице «Европейская». «Я осмелился подойти к нему, – писал Здзеховакий, – будучи молодым автором только что изданного по-русски сочинения о психологии славянских народов. Каково было мое удивление, когда я узнал, что он уже прочел мою книгу и высоко оценил ее во время моей с ним беседы...» [17, с. 111]. Многочисленные работы Здзеховского (среди них стоит отметить «От славянофильства до все-азиатства» (1901) и «Пессимизм, романтизм и основания христианства» (1914)) свидетельствуют не только о его глубоком уважении и искренней симпатии к русским мыслителям, но до сих пор остаются одним из наиболее достоверных и серьезных источников, по которым русскую философию изучают современные польские читатели. Здзеховский посвятил основательное сочинение Владимиру Соловьеву, но не обходил вниманием и современных ему авторов. В частности, писал о Д.С. Мережковском, которого считал «величайшим писателем» 10–20-х годов XX века. Стоит привести его слова из книги «Европа. Россия. Азия»: «Мережковский возвещает, что есть только один путь к истине – путь креста. Крестный путь польского народа был одним из наиболее трудных, а его национальный поэт видел то, что мы видим только сегодня. Свидетельство тому – Славянские лекции Мицкевича. Мережковский прочел их в новом французском издании в 1914 году, до этого он, по-видимому, не был с ними знаком. Эти лекции неожиданно открыли его изумленному взору новый, неизвестный доселе мир. <...> Мицкевич предвещает нынешнюю схватку двух миров, двух культур: созданной сухим немецким рационализмом, и культуры, пылающей священным огнем, характеризующей Польшу и Францию» [20, с. 67–68]. В дальнейшем Здзеховский отмечает, что, подобно Мицкевичу, Мережковский усматривает подлинную культуру в том, что основано на «живом знании», вытекающем из интуиции, противопоставляя его бездушному, механическому рационализму, «неозаренному блеском высшего мира». Не стоит добавлять, что идея «живого знания», которую Здзеховский находит у Мицкевича, впервые была высказана русскими славянофилами. Им также польский исследователь посвятил ряд своих работ.

В контексте рассматриваемой здесь тематики стоит также отметить вышецитируемую книгу Здзеховского «От Петербурга до Ленинграда» (1926 г., первое издание – 1934 г.). Название глубоко символично: автор попытался проанализировать в своей работе общественно-политическую ситуацию его времени. По словам Здзеховского, с самого начала русской революции он играл «неблагодарную роль Кассандры, предостерегая об угрожающей человечеству опасности», т.е. большевистском терроре¹⁶.

Петербург в творчестве Станислава Виткевича

Непродолжительное время в Петербурге пребывал известный польский художник, писатель и философ Станислав Виткевич (1885–1839), который ра-

¹⁶ См.: Zdziechowski M. Od Petersburga do Leningradu. S. 26.

ботал под псевдонимом Виткацы (Виткаций). В отличие от вышеназванных мыслителей, он не был формально связан с петербургскими вузами. В столицу России его привели интенсивные духовные и политические поиски: Виткацы считал, что в Первой мировой войне Польша для обретения независимости должна поддерживать российскую армию, и сам участвовал в сражениях. Здесь его застала Октябрьская революция. Пережитая трагедия оставила неизгладимый след в творчестве Виткация: всю свою последующую жизнь (закончившуюся самоубийством после вторжения в Польшу в 1939 г. немецких и советских войск) он размышлял о судьбах народов, создавая пессимистическую картину историософии. Как отмечает Виктор Хорев, цитируя работы польского исследователя Анджея Менцвеля, «Виткевич, участник Первой мировой войны, Февральской революции и Октябрьского переворота 1917 г. в России, ощущал наступление господства тоталитарных систем. <...> Жизнь в России и Петербурге была для Виткация переломным моментом, потрясением, катарсисом, который изменил все его прежнее восприятие мира, стал причиной переориентации взглядов, мыслей и чувств. <...> В России Виткаций начинает также изучать философию, ибо там усиливается интерес к тому, что позже он будет считать главным. <...> Виткаций рождается Виткацием именно в России во время революции» [5, с. 127, 204].

Действительно, в Петербурге Виткевич познакомился с творчеством русских авангардистов – поэтов, драматургов, режиссеров, художников: «Вполне вероятно, что, помимо Кандинского, на которого он прямо ссылается, Виткевич столкнулся с творчеством Врубеля, Филонова, Малевича, Кульбина. Его литературному наследию по разным признакам есть параллели у Андреева и Грина, Белого и Хлебникова, у Замятина, Булгакова и Платонова» [21, с. 13]. По мнению польского писателя Ярослава Ивашкевича, пишет Хорев, «именно масштаб богатейшей художественной жизни Петербурга, ... сыграл потрясающую роль в психике Виткация. <...> Он почувствовал себя художником и даже ощутил свое мастерство Почувствовал себя другим человеком» [5, с. 129]. Кроме того, в Петербурге под влиянием В.С. Соловьева родилась одна из ведущих идей творчества Виткевича – идея панмонголизма, наступления восточных народов на Европу¹⁷.

Жизнь и творчество Фомы Парчевского

Творческий путь

Довольно известный в свое время как в России, так и в Польше общественно-политический и культурный деятель, сегодня почти совершенно забытый в обеих странах, Фома Парчевский родился 11 января 1880 г. под Могилевом в потомственной дворянской семье Якова Вильгельмовича Парчевского. В август-

¹⁷ См.: Хорев В.А. Восприятие России и русской литературы польскими писателями (Очерки). С. 204–205.

те 1900 г. поступил на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета. Там с перерывами, вызванными болезнью лёгких (и кратким эпизодом учебы в Киевском университете св. Владимира и в Одесском университете), проучился в течение двух лет. В 1903–1904 гг. посещал занятия на факультете восточных языков столичного университета (сохранилось его прошение ректору от 23 февраля 1904 г. с просьбой разрешить ему «заграничный отпуск с 1 марта 1904 сроком на 3–4 месяца» с целью поездки к знакомым на Балканы по состоянию здоровья¹⁸. Осенью 1904 г. был принят на юридический факультет Императорского Московского университета, откуда в 1906 г. перевелся на аналогичный факультет в Санкт-Петербург. В заявлении Парчевского, хранящемся в личном деле студента в Санкт-Петербургском университете, указано, что он решил на этот шаг, поскольку философия составляла наиболее интересовавший его предмет «в ожидании открытия философского отделения на филологическом факультете»¹⁹. Поскольку данная специальность все не открывалась, в 1907 г. Парчевский перевелся с юридического на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, где под влиянием Н.О. Лосского заинтересовался гносеологией и психологией. 10 сентября 1911 г. получил диплом об окончании вуза, а в 1912 г. получил магистерскую степень, защитив диссертацию «Учение Канта». В этом же году Парчевский вместе с семьей (его женой была Софья Викторовна Парчевская, в девичестве Иванова) переехал в Кронштадт, где работал учителем русского языка в местных гимназиях. По его словам, «должность была, как для поляка, немного необычная, а именно: я стал учителем русского языка. Поляк, католик и... учитель русского языка! По сути же дело обстояло совершенно просто: как раз в 1911 году к преподаванию русского языка в российской глубинке допустили и нерусских. <...> Что касается меня, то славистику я выбрал во время учебы совсем случайно и поневоле, так как для подлинной моей специальности – философии – еще не было отдельного факультета, а потому я был вынужден в дополнение к философии подобрать что-то еще, какую-нибудь специальность-паразит. Ну и оказалось, что именно эта побочная специальность дала мне вскоре возможность зарабатывать. <...> Окружающие первоначально не питали никаких сомнений насчет того, что я настоящий москаль. И только когда меня спросили, нет ли ошибки в той графе моего диплома, где говорится о вероисповедании, я ответил, что там все верно, что я католик и поляк. Как сейчас помню остолбеневших товарищей по университету, особенно попа-законоучителя. И хотя вскоре коллеги примирились с этим фактом, они еще долго потом качали головами: “Ну и ну! А ведь как говорит! И откуда этот поляк так шпарит по-русски? Да вдобавок еще и с самым прекрасным петербургским произношением!” В итоге с осени 1912 года я обосновался в Кронштадте, видя перед собой в качестве четкой цели три года обучения детей в здешнем затишье, а потом защиту докторской диссертации при университете в Петербурге» [23, с. 43–44].

¹⁸ См.: Сведения о Ф.Я. Парчевском / Личный архив С.Г. Парчевского. СПб. [22].

¹⁹ Там же.

Темой докторской диссертации был интуиционизм Н.О. Лосского. Парчевский написал работу и даже приступил к некоторым экзаменам, которые необходимо было сдать перед защитой, но процедура не была закончена в связи с октябрьским переворотом.

Парчевский несколько разочаровался в интеллектуальной атмосфере, царившей в Кронштадте. По его словам, «здесь не замечалось даже простой интеллигентности, даже интереса к собственному предмету, не говоря уже о чужих. <...> Предложил я как-то подписаться на издание “Новые идеи” – в философии, математике, физике и т.д. Это представлялось вещью новой, интересной и весьма полезной. Подписались. Но по истечении полугода от библиотекаря поступило предложение, что надлежит отказаться от данной подписки, поскольку никто из коллег (для себя я подписался отдельно, самостоятельно и за свой счет) не взял читать ни единой из этих книг, а потому они лежат неразрезанными. И отказались» [23, с. 47].

Во время Первой мировой войны Парчевский служил в звании прапорщика на Балтийском флоте в Финляндии (в Свеаборгской крепости) и в Кронштадте. В 1916 г. он опубликовал свою первую брошюру «Храбрость и мужество (психологический этюд)», в которой очертил «общую картину, схему развития и обнаружения» данных эмоций и позиций, что было особенно актуально во время «великой войны»²⁰, а на одном из заседаний Вольной философской ассоциации прозвучал его доклад «Основные задачи знания»²¹.

1 марта 1917 г., во время революционных действий в Петрограде, Парчевского постигла участь всех офицеров. Он был арестован, однако уже на третий день был освобожден. 29 мая 1917 г. его неожиданно избрали комиссаром временного правительства в Кронштадте. Как писал Парчевский, человек, занимающий эту должность, должен был удовлетворять многим требованиям: «Ему надлежало быть решительным демократом, дабы на него согласился Совет, который и должен его выбирать, а также быть чистым от обвинений в благоприятствовании сепаратизму, дабы на него согласилось правительство. Кроме того, хотелось бы не искать комиссара вне Совета, а потому было бы хорошо, если он уже состоял бы членом Совета. Вот почему после краткого периода поиска и раздумий все остановились на моей персоне. Дело в том, что она как раз соответствовала всем перечисленным требованиям. Имело значение также и высшее образование, что льстило Совету <...>. Сыграла роль и моя национальность, так как за меня более охотно голосовали бы национальные меньшинства. Для партий же я как беспартийный представлялся наименьшим злом. <...> Выборы проходили таким образом, что выдвинули только одного претендента на эту должность – меня, на которого уже заранее согласились. Конкурентов я не имел. Предложил мою кандидатуру беспартийный клуб, эсеры и

²⁰ См.: Сведения об авторе // Парчевский Т. Записки губернатора Кронштадта / пер. Е. Гендель. СПб.: Отдел культуры и науки Генерального консульства Республики Польша в Санкт-Петербурге, 2009. С. 29–32 [24].

²¹ См.: Федоров В.С. Из истории петроградской Вольфилы. С. 206.

меньшевики поддержали. Только большевики уклонились от голосования и не принимали в нем участия. Но молчаливо и они согласились с моим назначением, так как сопротивлений и возражений не выдвигали» [23, с. 109–110, 113]. И далее: «Как только в Совете объявили результат завершеного голосования, я сразу же после этого посчитал, что по соображениям вежливости обязан представиться собранию сказать несколько слов. В результате я прежде всего заявил, что не являюсь социалистом и что, хотя смолodu относился к этому направлению, правда, доброжелательно, но теперь, однако, имею собственную политическую “платформу”. И говорю, что такой партии, которая близка к моей платформе, в России нет, хотя сама эта платформа возникла на почве этики именно российского философа Владимира Соловьёва. И, если говорить о теоретической программе, мою позицию следовало бы назвать христианским социализмом. <...> В русской революции я видел частичное осуществление моих политических мечтаний» [23, с. 113–114, 120]. Парчевский пояснял: «Все сказанное ... не означает, что у меня отсутствуют политические симпатии. Первой такой симпатией, хоть и платонической, была Польская социалистическая партия – ППС. И, пожалуй, не по причине самой ее программы, а, скорее, благодаря наличию большого количества умных и тощих людей из этой партии на нашей студенческой “кухне” в Петербурге Я никогда, однако, не питал убежденности в правильности исторического материализма, который требует материализма и в философии, т.е. такого мировоззрения, с которым я борюсь» [23, с. 119].

Должность комиссара Совета по гражданским делам Кронштадта Парчевский исполнял до 8 августа 1917 г., когда он сложил с себя полномочия в связи с вотумом недоверия: «Совет ... вдруг одним махом выдвинул против меня сводное обвинение, что у меня, мол, нет демократического настроения, что я подражаю царским губернаторам, что не могу быть руководителем народных масс и т.п.» [23, с. 150].

События тех времен Парчевский подробно описал в своих мемуарах, которые впервые были опубликованы в 1935 году под названием «Кронштадт на фоне российской революции» (второе издание под измененным заглавием «Записки губернатора Кронштадта» вышло в 2006 г., а русский перевод – усилиями отдела культуры Польского консульства в Санкт-Петербурге – в 2009 г.).

Вскоре Парчевский возобновил работу над докторской диссертацией: «Приступил снова к зубрежке, готовясь к экзамену, с которого начинается докторантура. И продолжаю заниматься всем этим в дальнейшем, хотя в 1918 г. уже возникло такое понятие, как голод Наконец, всеобщая демобилизация, объявленная в марте 1918 г., дала мне еще больше свободы и сделала возможной систематическую работу» [23, с. 167].

В 1919 г. Парчевский переехал в северную столицу. В течение года преподавал философию в учебных заведениях сразу в трех городах – Петрограде, Витебске и Астрахани. Произошло это следующим образом: «В Петербурге я начинаю предпринимать шаги, чтобы попасть в прифронтовую полосу, а оттуда при удобном случае удрать на Родину. Следует признать, что русская интеллигенция облегчала это нам, полякам, как могла – с помощью различных ко-

мандировок. Тогда еще был жив профессор университета Шахматов (одновременно – мой бывший педагог), человек исключительной порядочности. Это он в качестве руководителя Второго (славяно-русского) отделения Академии наук принял мою библиотеку на хранение в академию, он же дал мне командировку от имени академии для исследований в области белорусского фольклора и археологии. <...> Для начала я избрал себе в качестве “штаб-квартиры” Витебск, поскольку это более крупный город, где легче получать всякую информацию. В Витебске я установил несколько знакомств. В первую очередь – с ректором филиала Московского археологического института г-ном Болеславом Брежго, поляком, который был очень любезен со мной и проявил по отношению ко мне много доброжелательности и добросердечия. Этот филиал был местным центром как историко-археологических работ, так и изучения фольклора. Указанный институт вскоре пригласил меня на должность доцента, а позднее доверил мне кафедру философии истории, на редкость облегчая тем самым мое пребывание в прифронтовой зоне. И, хотя это присутствие не привело меня к достижению главной для меня цели, оно в любом случае давало мне потрясающий источник снабжения» [23, с. 207–208]. А в январе 1921 г. Парчевский получил известие, что его «выбрали профессором философии в Астраханском университете, новообразованном».

О своем последнем периоде пребывания в Петрограде Парчевский вспоминал: «Занимаюсь я, как известно, умственным трудом. Для этой работы мне необходимы разные вещи, вроде бумаги, чернил, пера, карандаша. Я исчерпал весь имевшийся у меня запас и отправился добывать новые принадлежности для письма. Но заранее известно, что много просить нельзя, потому что это означает контрреволюцию и спекуляцию. Надо испрашивать как можно меньше. Так вот, я хочу получить следующее: один карандаш, два писчих пера и... двенадцать листов бумаги, причем серой. Белая осталась только для коммунистов» [23, с. 224–225]. После сбора необходимых справок, ученый наконец отправился на склад, откуда выдают товар. Начальник после долгих расспросов Парчевского по поводу бессмертия души «наконец спрашивает: “Вы, это, в карандаше нуждаетесь?” “Да”. Выводит на листке: “Выдать один карандаш”. И дальше по-прежнему толкует о бессмертии души... После нескольких пауз дописывает на том же листке: “Два пера”, потом: “12 листов бумаги”. Наконец-то у меня есть этот желанный карандаш, есть два писчих пера (ни одно из которых не хотело потом писать), есть 12 листов бумаги... – и все это досталось мне всего лишь взамен за получасовую лекцию о бессмертии души. До чего же дешево стоит указанная философская проблема! Каких-нибудь 15–20 довоенных копеек» [23, с. 225–226], – с горечью и иронией вспоминал Парчевский.

В 1920 г. в разгар советско-польской войны Парчевский был арестован и доставлен на Лубянку, и хотя это заключение длилось также недолго, он еще глубже осознал всю тяжесть своего положения в России. После многих попыток ему удалось получить польский паспорт, и он уехал на свою историческую родину. Его супруга, Софья Викторовна (урожденная Иванова) с сыном Георгием вернулась в Петроград.

Фома Парчевский обосновался в Варшаве. Сохранилась информация об адресах его проживания: ул. Мокотовска 17/16, ул. Устроне, 2/92²², а также ул. Хожа (Hoża), д. 25, кв. 3²³. Сразу же после приезда мыслитель включился в деятельность Философского и Психологического обществ, действующих при Варшавском университете. Был казначеем и секретарем секции теории познания Варшавского философского института, где участвовал в дискуссии о положении теории познания среди наук²⁴ и прочел ряд докладов. Парчевский также активно сотрудничал с журналами «Przegląd Filozoficzny» («Философское обозрение»), «Ruch Filozoficzny» («Философское движение») и «Kwartalnik Filozoficzny» («Философский кварталник»), публикуя сведения о русских мыслителях. Принимал участие в работе Первого польского философского съезда (доклад «Сведения о современной русской философии»²⁵). Парчевский, как следует из его письма известнейшему польскому философу и логика Казимиру Твардовскому, был также вовлечен в организацию Второго польского философского съезда, способствуя тому, чтобы в нем приняли участие славянские философы других стран. В частности, он писал:

«1. Это не кто иной, как я познакомил наши философские круги с современной русской философией, сделав около 10 докладов. Прежде здесь не знали даже фамилий, не было также самих сочинений. Итак, сама идея славянского съезда могла возникнуть только благодаря моим сведениям.

2. Я использовал свои личные связи для того, чтобы собрать вместе первых славян, которые были в Варшаве еще до съезда, в 1925 г.

3. Результатом этого было приглашение проф. Лукасевича в чешскую Прагу. Следовательно, пропагандирование польской науки.

4. Это не кто иной, как я подал мысль о созыве этого съезда, который только что состоялся.

5. Я предоставил реестр русских философов и их характеристику с целью выбора приглашенных. От русских я получал также данные о чехах, лемках и болгарях.

6. Во время работы исполнительного комитета, не будучи его членом, а всего лишь членом комиссии при нем, я существенным образом «помогал» комитету, особенно если замечал недостатки» [30].

Конец жизни Парчевского покрыт мраком молчания; мы знаем, что он умер в июле 1932 г., однако точная дата смерти неизвестна²⁶. Его сын Георгий Фомич Парчевский, исследователь дворянской культуры XIX века, автор книг

²² См.: Сведения об авторе // Парчевский Т. Записки губернатора Кронштадта. С. 30.

²³ См.: XV-te Sprawozdanie Polskiego Towarzystwa Psychologicznego za czas od 1 stycznia 1921 do 31 marca 1922 // Przegląd Filozoficzny. 1922. № 25. S. 127 [26].

²⁴ См.: Biuletyn posiedzeń naukowych Warszawskiego Instytutu Filozoficznego (1923–1924) // Przegląd Filozoficzny. 1924. № 27. S. 265 [27].

²⁵ Po I Polskim Zjeździe filozoficznym // Ruch Filozoficzny. 1923. T. VII. S. 131 [28]; Parczewski T. Wiadomości o współczesnej filozofji rosyjskiej // Przegląd Filozoficzny. 1927. № 30. S. 340 [29].

²⁶ См.: Tomasz Parczewski // Ruch Filozoficzny. 1932–1935. T. XIII. S. 65 [31].

«Пушкин и карты: налево ляжет ли валет» (1996) и «Карты и картежники. Панорама столичной жизни» (1998), жил и работал в Ленинграде. В настоящее время в Санкт-Петербурге проживает внук Фомы Парчевского, физик Сергей Георгиевич Парчевский. Остался также внук Дмитрий Георгиевич Парчевский и внучка Светлана Георгиевна Шилова, проживающая в г. Пущино.

Философские взгляды Фомы Парчевского

К сожалению, сохранилось не слишком много сведений о деятельности Фомы Парчевского в Польше: несколько текстов авторефератов его докладов и упоминания в хронике Варшавского философского института и Психологического общества. Тем не менее можно воссоздать картину его научных интересов уже на основе перечня его выступлений: «Храбрость и мужество» (на основе ранее опубликованной работы; 24 марта 1924 г.)²⁷, «Кант и Кольер» (13 октября 1924 г.)²⁸, «К феноменологии сознания» (23 марта 1925 г.)²⁹, а также – что особенно важно – цикла лекций о русских философах.

Парчевский был верным учеником Н.О. Лосского, который особое внимание уделял двум философским дисциплинам: гносеологии и психологии. Именно вокруг этих предметов (а также истории философии) должна, по Лосскому, концентрироваться философская подготовка в университетах³⁰. Парчевский строго следовал этому правилу. Его сочинения имеют преимущественно историко-философский характер и в основном посвящены истории русской мысли, а точнее – ее психологическим и гносеологическим аспектам.

Прежде всего, следует отметить огромный вклад Парчевского в популяризацию в Польше творчества Н.О. Лосского³¹, который по его инициативе двукратно приезжал в Варшаву. Впервые Лосский посетил столицу Польши по приглашению Варшавского Института философии в марте 1925 года. Русский философ так вспоминал эту поездку: «Много хлопотал о том, чтобы это приглашение состоялось, Ф.Я. Парчевский, бывший моим слушателем в Петербургском университете. Одною из целей этого приглашения было намерение предложить мне кафедру философии на Православном отделении Богословского факультета в Варшавском университете. Мне намекали при этом, что со временем я могу получить кафедру и на Философском факультете. Уже едучи в Варшаву, я решил, что никоим образом не приму этого предложения. Я понимал, что в Варшаве мое положение было бы невыносимо трудным. Польское

²⁷ См.: Polskie Towarzystwo psychologiczne // Ruch Filozoficzny. 1924. T. VIII. S. 88 [32].

²⁸ См.: IX-te sprawozdanie Warszawskiego Instytutu Filozoficznego za czas od 25 czerwca 1924 r. do 19 czerwca 1925 r. // Przegląd Filozoficzny. 1925. № 29. S. 301 [33].

²⁹ См.: Polskie Towarzystwo psychologiczne // Ruch Filozoficzny. 1925. T. IX. S. 72 [34].

³⁰ См.: Лосский Н.О. Философия в университете (К вопросу об уставе) (1915) // Исследования по истории русской мысли. 2004/2005 / ред. М.А. Колеров, Н.С. Плотников. М.: Модест Колеров, 2007. С. 282 [35].

³¹ См.: Obolewicz T. Mikołaj Łoski: powrót do Polski // Polskie badania filozofii rosyjskiej. Przewodnik po literaturze. Część druga / red. L. Kiejzik, J. Uglik. Warszawa: Wydawnictwo IFiS PAN, 2012. S. 248–251 [36].

государство оказалось крайне нетерпимым в отношении к Православию и к русской народности. Малороссов поляки считали нерусскими, настаивая на том, что украинцы – ветвь польского народа. Белорусов они тоже старательно ограничивали от русских. <...> Особенно тяжело было для меня то, что польское общество, имея в виду наличие во мне польской крови, выдавало меня за поляка. Несмотря на мою симпатию к польскому народу и признание его высоких духовных достоинств, все это шло в разрез с моим русским национальным сознанием» [37, с. 241–242].

Визит Лосского был непродолжительным. В зале Гигиенического общества 3 марта 1925 он прочел (по-русски) доклад «Интуиционизм и современный реализм», 4 и 5 марта – «О свободе воли», а 6 марта – «Принцип наивысшей полноты бытия как методологическое правило»³². Вскоре усилиями Парчевского был опубликован перевод первой из вышеперечисленных лекций с кратким комментарием, в котором польский автор назвал Лосского «величайшим русским философом»³³.

Вторая поездка Лосского имела место два года спустя, по случаю II Польского философского съезда, на который были приглашены также и другие русские философы, пребывающие в эмиграции (С. Франк, Н. Бердяев, С. Гессен, И. Лапшин, С. Карчевский). Координатором русской делегации был именно Н.О. Лосский.

Кроме того, сам Парчевский неоднократно излагал взгляды своего петербургского учителя. Так, 15 июня 1923 г. он прочел лекцию «Теория познания Лосского»³⁴, а 28 января 1929 г. – «Новая теория Николая Лосского об абсолютной свободе воли», в которой представил основные идеи русского философа, изложенные в его книге «Свобода воли» (1926)³⁵. Парчевский в целом высоко оценил учение Лосского, считая, что оно обосновывает теодицею и «этику сокрушения, даже в церковном смысле»³⁶. Тем не менее его позицию по отношению к своему учителю ни в коей мере нельзя назвать не критической. В частности, Парчевский высказал мнение, что теория Лосского «не представляется доказанной» и представляет собой скорее некий образ, чем обоснованный тезис³⁷. Парчевский также намеревался написать рецензию на книгу своего наставника «Типы мировоззрений. Введение в метафизику», перевел ее на польский язык³⁸ (к сожалению, эту работу прервала его преждевременная смерть).

³² См.: IX-te sprawozdanie Warszawskiego Instytutu Filozoficznego za czas od 25 czerwca 1924 r. do 19 czerwca 1925 r. S. 301.

³³ См.: Parczewski T. M. Łoski. Intuicywizm i współczesny realizm anglo-amerykański // Kwartalnik Filozoficzny. 1925. T. III. S. 25 [38].

³⁴ См.: VII-te Sprawozdanie Warszawskiego Instytutu Filozoficznego za czas od 1 lipca 1922 do 25 czerwca 1923 // Przegląd Filozoficzny. 1923. № 26. S. 116 [39].

³⁵ См.: Warszawskie Towarzystwo Filozoficzne // Ruch Filozoficzny. 1928/29. T. XI. S. 176–177 [40].

³⁶ Там же. С. 176.

³⁷ Там же.

³⁸ См.: Письмо Ф. Парчевского К. Твардовскому от 10.10.1931 // Архив К. Твардовского, Институт философии и социологии Варшавского университета, L. 1207R-12.X.1931 [41].

Несколькими годами ранее, 22 марта 1922 г., на заседании Психологического общества Лосский прочел доклад «Спор между Введенским и Лосским»³⁹. Эту тему он развил также в своем выступлении на I Польском философском съезде «Известия о современной русской философии». Парчевский отметил, что русская мысль «отличается борьбой метафизического направления с кантианством и позитивизмом, причем метафизическое направление имеет отчетливо религиозный характер. Наиболее выдающимся представителем кантианства и позитивизма является Введенский, метафизического направления – Лосский, а религиозного – Флоренский» [29, с. 340]. Трех вышеперечисленным авторам Парчевский уделил больше всего внимания. В частности, в том же докладе он не только впервые познакомил польских исследователей с фамилией Флоренского, но и привел цитату из «Столпа и утверждения истины», предлагая первый перевод фрагмента его *opus vitae* на польский язык⁴⁰. После смерти Введенского Парчевский написал о нем некролог, опубликованный в журнале «Ruch Filozoficzny» («Философское движение»)⁴¹.

Парчевскому было также известно творчество и других русских философов: С. Франка (22 марта 1926 г. он выступил с докладом «Гносеологическая позиция С. Франка»⁴², С. Булгакова, Н. Бердяева, Л. Карсавина. Стоит особо отметить, что он был автором первой польской рецензии работ А.Ф. Лосева «Философия имени» и «Античный космос и современная наука», которые являлись для него свидетельством того, что в советской России философская мысль еще не совсем угасла⁴³.

Рассуждая о русской философии, Парчевский писал, что она не слишком оригинальна⁴⁴. В этом контексте следует вспомнить, что практически с начала возникновения философской мысли в России велась дискуссия о ее самобытности и значимости (славянофилы и западники, тема русской идеи и т.п.). Проблема самоидентичности рассматривалась также мыслителями из других славянских стран. Стоит привести хотя бы тот факт, что уже на IV Международном философском съезде в Болонии в 1911 г. было принято решение организовать съезд славянских философов и даже создан временный оргкомитет (в со-

³⁹ См.: VI-te sprawozdanie Warszawskiego Instytutu Filozoficznego za czas od 21 czerwca 1921 r. do 30 czerwca 1922 r. // Przegląd Filozoficzny. 1922. T. 25. S. 556 [42].

⁴⁰ См.: Parczewski T. Wiadomości o współczesnej filozofji rosyjskiej. S. 341; Warszawskie Towarzystwo Filozoficzne // Ruch Filozoficzny. S. 209–210.

⁴¹ См.: Parczewski T. Aleksander Wwiedenski // Ruch Filozoficzny. 1925. T. IX. S. 30 [44].

⁴² См.: X-te sprawozdanie Warszawskiego Instytutu Filozoficznego za czas od 20 czerwca 1925 r. do 12 czerwca 1926 r. // Przegląd Filozoficzny. 1926. № 29. S. 271 [45].

⁴³ См.: Франк С.Л. Новая русская философская система // Алексей Федорович Лосев / под ред. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого. М.: Русский мир, 2007. С. 113 [48]; Parczewski T. A.F. Łosief. Filozofia imieni. A.F. Łosief. Antyczny kosmos i sowremiennaja nauka // Ruch Filozoficzny. 1930–1931. T. XII. S. 35 [49]; Оболевич Т. Фома Парчевский – первый польский исследователь А.Ф. Лосева. Комментарий к переводу // Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». 2014. Вып. 19. С. 110–112 [51].

⁴⁴ См.: Parczewski T. Wiadomości o współczesnej filozofji rosyjskiej. S. 340.

став которого входил Н. Лосский)⁴⁵. И хотя он не состоялся, II Польский философский съезд с участием славянских философов в определенной мере был ответом на поставленную задачу⁴⁶. Инициатор этой идеи Игнатий Мышлицки (1874–1935) предлагал поразмыслить, «существует ли какая-либо общность в философии поляков, русских, малоросов, чехов, сербов, хорватов, болгар и т.п.»⁴⁷. Действительно, во время варшавского съезда прозвучал доклад эмигрировавшего украинского мыслителя и историка Ивана Мирчука (1891–1961) «О славянской философии», в котором ставился вопрос о характере и специфике не только русской философии, но и философской рефлексии других славянских стран (Украины, Польши, Чехословакии, Болгарии, Румынии и др.). Автор призывал славян не столько к оригинальности, сколько к более глубокому пониманию своей собственной традиции, на основе которой может развиваться славянская (в том числе, русская) философия. Хотя в опубликованных материалах съезда нет сведений о том, принимал ли Парчевский непосредственное участие в обсуждении этой темы, можно полагать, что она не была ему чужда. Об этом свидетельствует, к примеру, тот факт, что еще 16 января 1922 г. на заседании Психологического общества он прочитал доклад «О психологии россиян»⁴⁸, в 4 мая 1931 г. – «Психологический тип поляка»⁴⁹ (отмечая, что отсутствие систематичности и склонности к теоретическим размышлениям не способствует занятиям науками и философией среди поляков, хотя «польский ум имеет несомненно философский характер»⁵⁰). Итак, Парчевский живо интересовался особенностями менталитета славянских народов, в том числе спецификой славянской и русской философии. Он также хлопотал о поездке в Варшаву известного чешского философа Карела Воровки, информируя его об условиях получения польской визы⁵¹.

В «Записках губернатора Кронштадта» Парчевский с сокрушением писал: «Да, России мы не знали и не знаем. До войны, во времена российской оккупации Польши, подлинную Россию закрывала от нас та ее часть, которая представляла собой оккупацию и которая лишала нас желания познать всю настоящую Россию в целом. Сегодня она закрыта большевизмом, который является уже оккупацией самой России большевиками (...). Что же касается книг о России, напечатанных у нас в Польше, то их количество ничтожно: каких-то 10–15 названий. Да и те по большей части либо очень поверхностны, либо очень тенденциозны: написаны часто в тоне ненависти или презрения к самому наро-

⁴⁵ См.: Włachowski S. O słowiańskim zjeździe filozoficznym // Ruch Filozoficzny. 1924. T. VIII. S. 134 [52].

⁴⁶ См.: Оболевич Т. Участие русских философов во втором польском философском конгрессе (1927) (в печати) [53].

⁴⁷ См.: Głosy w sprawie Słowiańskiego zjazdu filozoficznego // Ruch Filozoficzny. 1925. T. IX. S. 3 [54].

⁴⁸ См.: XV-te Sprawozdanie Polskiego Towarzystwa Psychologicznego za czas od 1 stycznia 1921 do 31 marca 1922. S. 562.

⁴⁹ См.: Письмо Ф. Парчевского К. Воровке от 19.05.1925 // H. Pavlincová. Karel Vorovka. Cesta matematika k filosofii. Praha: Filosofia, 2010. С. 223–224 [55].

⁵⁰ См.: Warszawskie Towarzystwo filozoficzne // Ruch Filozoficzny. 1930–1931. T. X. S. 224 [56].

⁵¹ См.: Письмо Ф. Парчевского К. Воровке от 19.05.1925. С. 528.

ду этой страны» [24, с. 35–36]. Творчество Парчевского, хотя не слишком продолжительное, но весьма насыщенное, во многом способствовало преодолению стереотипов и установлению тесных контактов между польскими и русскими философами. Начиная с 90-х годов прошлого века связи между философскими традициями двух славянских стран продолжают развиваться. Санкт-Петербург играет в этом одну из ведущих ролей (о чем свидетельствуют многочисленные связи между петербургскими и польскими вузами).

Список литературы

1. Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Genius Loci Петербурга // Москва – Петербург: pro et contra. Антология: диалог культур в истории национального самосознания / ред. К.Г. Исунов. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. С. 416–436.
2. Дмитриева О.О. Культурный миф Санкт-Петербурга в восприятии русской эмиграции первой волны: Санкт-Петербург как утраченная Атлантида русской культуры // Культура русской диаспоры: эмиграция и мифы: сб. ст. / ред. А. Данилевский, С. Доценко. Таллин: Изд-во Таллиннского ун-та, 2012. С. 205–219.
3. Ермичев А.А. «Петербургская философия» // Имена и сюжеты русской философии. СПб.: Наука, 2014. 710 с.
4. Беккер И.И. Мицкевич в Петербурге. Л.: Лениздат, 1955. 276 с.
5. Хорев В.А. Восприятие России и русской литературы польскими писателями (Очерки). М.: Индрик, 2012. 240 с.
6. Стройновский И. Наука права природного, политического, государственного хозяйства и права народов. Классическое сочинение г. Виленского епископа Иеронима Стрешмен-Стройновского, коадьютора Епископа Луцкого, духовной Римско-католической коллегии, Флорентской Академии наук, обществ Петербургского Экономического и Королевского Варшавского любителей наук Члена, заслуженного Профессора и бывшего Ректора Императорского Виленского Университета и проч. / пер. В. Анастасевича. СПб.: Медицинская типография, 1809. 295 с.
7. Вступительное слово // Парчевский Т. Записки губернатора Кронштадта / пер. Е. Гендель. СПб.: Отдел культуры и науки Генерального консульства Республики Польша в Санкт-Петербурге, 2009. С. 5–24.
8. Поляки в Петербурге // Парчевский Т. Записки губернатора Кронштадта / пер. Е. Гендель. СПб.: Отдел культуры и науки Генерального консульства Республики Польша в Санкт-Петербурге, 2009. С. 25–28.
9. Лосев А.Ф. В поисках смысла (из бесед и воспоминаний) // Страсть к диалектике. Литературные размышления философа / сост. В. Ерофеев. М.: Сов. писатель, 1990. С. 14–67.
10. Krocak J. Tadeusza Zielińskiego i Aleksego Łosiewa rozważania nad antykiem // Przegląd Filozoficzny – Nowa Seria. 2014. № 2. S. 47–57.
11. Федоров В.С. Из истории петроградской Вольфила // Вече. 1999. Вып. 12. С. 195–228.
12. Белоус В.Г. Вольфила, или кризис культуры в зеркале общественного самосознания. СПб.: Миръ, 2007. 431 с.
13. Axer J. Tadeusz Zieliński wśród obcych // Tadeusz Zieliński (1859–1944). W 150 rocznicę urodzin / red. E. Olechowska. Warszawa: Instytut Badań Interdyscyplinarnych «Artes Liberales» UW, 2011. S. 11–24.
14. Хлытчиева С.М. Воспоминания юристки первого выпуска // Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918 гг.) / ред. С.Н. Валка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. <http://law.spbu.ru/testexlib/testexlibra/c720d3fe-80c0-4f0e-b226-b10f5b5d1e9a.aspx>.
15. Wasilewski W. Marian Zdziechowski wobec myśli rosyjskiej XIX i XX wieku. Warszawa: Wydawnictwo «Neriton», 2005. 281 s.

16. Paprocki H. Recepcja rosyjskiej myśli religijnej w Polsce // ЕЛПИС. 2005. № 11–12. S. 193–203.
17. Zdziechowski M. Od Petersburga do Leningradu. Wilno: Drukarnia Jana Bajewskiego, 1934. 161 s.
18. Zdziechowski M. Stary Kraków // Wybór pism. Kraków: Znak, 1993. S. 15–21.
19. Zdziechowski M. W obliczu końca. Warszawa – Ząbki: Fronda, 1999. 230 s.
20. Zdziechowski M. Europa. Rosja. Azja. Szkice polityczno-literackie. Wilno: Księgarnia Stowarzyszenia nauczycielstwa polskiego w Wilnie, 1923. 334 s.
21. Базилевский А. Виткевич: повесть о вечном безвременье. М.: Наследие, 2000. 200 с.
22. Сведения о Ф.Я. Парчевском / Личный архив С.Г. Парчевского. СПб.
23. Парчевский Т. Записки губернатора Кронштадта / пер. Е. Гендель. СПб.: Отдел культуры и науки Генерального консульства Республики Польша в Санкт-Петербурге, 2009. 299 с.
24. Сведения об авторе // Парчевский Т. Записки губернатора Кронштадта / пер. Е. Гендель. СПб.: Отдел культуры и науки Генерального консульства Республики Польша в Санкт-Петербурге, 2009. С. 29–32.
25. Парчевский Ф. Храбрость и мужество (психологический этюд). Гельсингфорс, 1916. 43 с.
26. XV-te Sprawozdanie Polskiego Towarzystwa Psychologicznego za czas od 1 stycznia 1921 do 31 marca 1922 // Przegląd Filozoficzny. 1922. № 25. S. 559–563.
27. Biuletyn posiedzeń naukowych Warszawskiego Instytutu Filozoficznego (1923–1924) // Przegląd Filozoficzny. 1924. № 27. S. 260–272.
28. Po I Polskim Zjeździe filozoficznym // Ruch Filozoficzny. 1923. T. VII. S. 129–132.
29. Parczewski T. Wiadomości o współczesnej filozofii rosyjskiej // Przegląd Filozoficzny. 1927. № 30. S. 88–89.
30. Письмо Ф. Парчевского К. Твардовскому от 3.10.1927 // Архив К. Твардовского, Институт философии и социологии Варшавского университета, 678-927-6/X.
31. Tomasz Parczewski // Ruch Filozoficzny. 1932–1935. T. XIII. S. 30.
32. Polskie Towarzystwo psychologiczne // Ruch Filozoficzny. 1924. T. VIII. S. 88–89.
33. IX-te sprawozdanie Warszawskiego Instytutu Filozoficznego za czas od 25 czerwca 1924 r. do 19 czerwca 1925 r. // Przegląd Filozoficzny. 1925. № 29. S. 300–302.
34. Polskie Towarzystwo psychologiczne // Ruch Filozoficzny. 1925. T. IX. S. 72–73.
35. Лосский Н.О. Философия в университете (к вопросу об уставе) (1915) // Исследования по истории русской мысли. 2004/2005 / ред. М.А. Колеров, Н.С. Плотников. М.: Модест Колеров, 2007. С. 278–282.
36. Obolevitch T. Mikołaj Łoski: powrót do Polski // Polskie badania filozofii rosyjskiej. Przewodnik po literaturze. Część druga / red. L. Kiejzik, J. Uglik. Warszawa: Wydawnictwo IFiS PAN, 2012. S. 247–257.
37. Лосский Н. Воспоминания. Жизнь и философский путь. München: Wilhelm Fink Verlag, 1968. 334 с.
38. Parczewski T. M. Łoski. Intuitywizm i społeczny realizm anglo-amerykański // Kwartalnik Filozoficzny. 1925. T. III. S. 385–401.
39. VII-te Sprawozdanie Warszawskiego Instytutu Filozoficznego za czas od 1 lipca 1922 do 25 czerwca 1923 // Przegląd Filozoficzny. 1923. № 26. S. 115–117.
40. Warszawskie Towarzystwo Filozoficzne // Ruch Filozoficzny. 1928/29. T. XI. S. 173–179.
41. Письмо Ф. Парчевского К. Твардовскому от 10.10.1931 // Архив К. Твардовского, Институт философии и социологии Варшавского университета, L. 1207R-12.X.1931.
42. VI-te sprawozdanie Warszawskiego Instytutu Filozoficznego za czas od 21 czerwca 1921 r. do 30 czerwca 1922 r. // Przegląd Filozoficzny. 1922. T. 25. S. 556–559.
43. Rojek P. W cieniu druzgocącego geniusza. Polskie badania filozofii Pawła Florenskiego // Polskie badania filozofii rosyjskiej. Przewodnik po literaturze. Część druga / Red. L. Kiejzik, J. Uglik. Warszawa: Wydawnictwo IFiS PAN, 2012. S. 207–245.

44. Parczewski T. Aleksander Wwiedenski // *Ruch Filozoficzny*. 1925. T. IX. S. 30.
45. X-te sprawozdanie Warszawskiego Instytutu Filozoficznego za czas od 20 czerwca 1925 r. do 12 czerwca 1926 r. // *Przegląd Filozoficzny*. 1926. № 29. S. 271–272.
46. Чижевский Д.И. Философские искания в Советской России // Алексей Федорович Лосев / ред. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкий. М.: Русский мир, 2007. С. 516–519.
47. Чижевский Д. А.Ф. Лосев: Античный космос и современная наука. Москва, 1927, стр. 550. Он же: Философия имени. Москва, 1927, стр. 24. Он же: Музыка как предмет логики. Москва, 1927, стр. 262. Он же: Диалектика художественной формы. Москва, 1927, стр. 250 / пер. М. Юдиной; под ред. М. Ржоутиля и Е. Тахо-Годи // *Творчество А.Ф. Лосева в контексте отечественной и европейской культурной традиции*. Ч. I / ред. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи. М.: Дизайн и полиграфия, 2013. С. 412–414.
48. Франк С.Л. Новая русская философская система // Алексей Федорович Лосев / под ред. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого. М.: Русский мир, 2007. С. 514–516.
49. Parczewski T. A.F. Łosief. *Fiłosofia imieni. A.F. Łosief. Antyczny kosmos i sowremiennaja nauka* // *Ruch Filozoficzny*. 1930–1931. T. XII. S. 34–35.
50. Парчевский Ф. А.Ф. Лосев. Философия имени. Москва, 1927. Стр. 253. Тираж за счет автора. А.Ф. Лосев. Античный космос и современная наука. Москва, 1927. Стр. 550. Тираж за счет автора // *Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева»*. Вып. 19. М., 2014. С. 112–113.
51. Оболевич Т. Фома Парчевский – первый польский исследователь А.Ф. Лосева. Комментарий к переводу // *Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А. Ф. Лосева»*. 2014. Вып. 19. С. 110–112.
52. Włachowski S. O słowiańskim zjeździe filozoficznym // *Ruch Filozoficzny*. 1924. T. VIII. S. 133–136.
53. Оболевич Т. Участие русских философов во Втором польском философском конгрессе (1927) (в печати).
54. Głosy w sprawie Słowiańskiego zjazdu filozoficznego // *Ruch Filozoficzny*. 1925. T. IX. S. 1–6.
55. Письмо Ф. Парчевского К. Воровке от 19.05.1925 // H. Pavlincová. Karel Vorovka. *Cesta matematika k filosofii*. Praha: Filosofia, 2010. С. 528.
56. Warszawskie Towarzystwo filozoficzne // *Ruch Filozoficzny*. 1930–1931. T. X. S. 216–230.

References

1. Antsiferov, N.P. Dusha Peterburga. Genius Loci Peterburga [The Soul of Petersburg. Genius Loci of Petersburg], in *Moskva – Peterburg: pro et contra. Antologiya: dialog kul'tur v istorii natsional'nogo samosoznaniya* [Moscow – Petersburg: pro et contra. Anthology: the dialogue of cultures in history of national self-awareness], Saint-Petersburg: Izdatel'stvo RKhGI, 2000, pp. 416–436.
2. Dmitrieva, O.O. Kul'turnyy mif Sankt-Peterburga v vospriyatii russkoy emigratsii pervoy volny: Sankt-Peterburg kak utrachennaya Atlantida russkoy kul'tury [The Cultural Myth of St Petersburg in the perception of Russian Emigration of the first wave: St Petersburg as the lost Atlantis of the Russian Culture], in *Sbornik statey «Kul'tura russkoy diaspory: emigratsiya i mify»* [Collection of the articles «The Culture of the Russian Diaspora: The Emigration and the myths»], Tallin: Izdatel'stvo Tallinnskogo universiteta, 2012, pp. 205–219.
3. Ermichev, A.A. «Peterburgskaya filosofiya» [«Philosophy of St Petersburg»], in *Imena i syuzhety russkoy filosofii* [The Names and the Sujets of Russian Philosophy], Saint-Petersburg: Nauka, 2014. 710 p.
4. Bekker, I.I. *Mitskevich v Peterburge* [Mickiewicz in Petersburg], Leningrad: Lenizdat, 1955. 276 p.
5. Khorev, V.A. *Vospriyatie Rossii i russkoy literatury pol'skimi pisatelyami (Ocherki)* [The Perception of Russia and the Russian Literature by the Polish writers (Essays)], Moscow: Indrik, 2012. 240 p.

6. Stroynovskiy, I. *Nauka prava prirodnogo, politicheskogo, gosudarstvennogo khozyaystva i prava narodov. Klassicheskoe sochinenie g. Vilenskogo episkopa Ieronima Strshemen-Stroynovskogo koadyutora Episkopa Lutskogo, dukhovnoy Rimsko-katolicheskoy kollegii, Florentskoy Akademii nauk, obshchestv Peterburgskogo Ekonomicheskogo i Korolevskogo Varshavskogo lyubiteley nauk Chlena, zaslužennogo Professora i byvshego Rektora Imperatorskogo Vilenskogo Universiteta i proch.* [The Doctrine of Natural, Political, Economic Law and the Law of the Nations], Saint-Petersburg: Meditsinskaya tipografiya, 1809. 295 p.
7. Vstupitel'noe slovo [Introduction], in Parchevskiy, T. *Zapiski gubernatora Kronshtadta* [The Notes of the Governor of Kronstadt], Saint-Petersburg: Otdel kul'tury i nauki General'nogo konsul'stva Respubliki Pol'sha v Sankt-Peterburge, 2009, pp. 5–24.
8. Polyaki v Peterburge [Poles in Petersburg], in Parchevskiy, T. *Zapiski gubernatora Kronshtadta* [The Notes of the Governor of Kronstadt], Saint-Petersburg: Otdel kul'tury i nauki General'nogo konsul'stva Respubliki Pol'sha v Sankt-Peterburge, 2009, pp. 25–28.
9. Losev, A.F.V. Poiskakh smysla (Iz besed i vospominaniy) [Searching for the sense. (Selections from the conversations and memoirs)], in *Strast' k dialektike. Literaturnye razmyshleniya filosofa* [Passion for Dialectic. Literary Reflections of the Philosopher], Moscow: Sovetskii pisatel', 1990, pp. 14–67.
10. Krocak, J. Tadeusza Zielińskiego i Aleksego Łosiewa rozważania nad antykiem [Tadeusz Zieliński's and Aleksei Losev's Considerations of Antiquity], in *Przegląd Filozoficzny – Nowa Seria*, 2014, no. 2, pp. 47–57.
11. Fedorov, V.S. Iz istorii petrogradskoy Vol'fily [From history of Volfila], in *Veche*, 1999, issue 12, pp. 195–228.
12. Belous, V.G. *Vol'fila, ili krizis kul'tury v zerkale obshchestvennogo samosoznaniya* [Volfila, or Crisis of the Culture in the mirror of Social autho-reflection], Saint-Petersburg: Mir", 2007. 431 p.
13. Axer, J. Tadeusz Zieliński wśród obcych [Tadeusz Zieliński among foreigners], in *Tadeusz Zieliński (1859–1944). W 150 rocznicę urodzin* [Tadeusz Zieliński (1859–1944). In 150th Birth Year], Warsaw: Instytut Badac Interdyscyplinarnych «Artes Liberales» UW, 2011, pp. 11–24.
14. Khlytchieva, S.M. Vospominaniya yuristki pervogo vypuska [Memoirs of the first-year law-student], in *Sankt-Peterburgskie vysshie zhenskie (Bestuzhevskie) kursy (1878–1918 gg.)* [St Petersburg High Courses for Women (Bestuzhev's) Courses (1878–1918)], Leningrad: Izdatel'stvo LGU, 1965. Available at: <http://law.spbu.ru/testexlib/testexlibra/c720d3fe-80c0-4f0e-b226-b10f5b5d1e9a.aspx>.
15. Wasilewski, W. *Marian Zdziechowski wobec myśli rosyjskiej XIX i XX wieku* [Marian Zdziechowski in the face of the Russian Thought of the 19th and 20th Centuries], Warsaw: Wydawnictwo «Neriton», 2005. 281 p.
16. Paprocki, H. Recepcja rosyjskiej myśli religijnej w Polsce [The Reception of the Russian Religious Thought in Poland], in *EΛΠΙΣ*, 2005, no. 11–12, pp. 193–203.
17. Zdziechowski, M. *Od Petersburga do Leningradu* [From Petersburg to Leningrad], Vilnius: Drukarnia Jana Bajewskiego, 1934. 161 p.
18. Zdziechowski, M. Stary Kraków [Old Krakow], in *Wybór pism* [Selected Papers], Kraków: Znak, 1993, pp. 15–21.
19. Zdziechowski, M. *W obliczu końca* [Facing the end], Warsaw; Ząbki: Fronda, 1999. 230 p.
20. Zdziechowski, M. *Europa. Rosja. Azja. Szkice polityczno-literackie* [Europe. Russia. Asia. Politico-Literary Essays], Vilnius: Księgarnia Stowarzyszenia nauczycielstwa polskiego w Wilnie, 1923. 334 p.
21. Bazilevskiy, A. *Vitkevich: povest' o vechnom bezvremen'e* [Witkiewicz: A Novel on the Perpetual Timelessness], Moscow: Nasledie, 2000. 200 p.
22. Svedeniya o F.Ya. Parchevskom [Information about T.Ya. Parczewski], in *Lichnyy arkhiv S.G. Parchevskogo* [The Private Archive of S.G. Parczewski], Saint-Petersburg.

23. Parchevskiy, T. *Zapiski gubernatora Kronshadta* [The Notes of the Governor of Kronstadt], Saint-Petersburg: Otdel kul'tury i nauki General'nogo konsul'stva Respubliki Pol'sha v Sankt-Peterburge, 2009. 299 p.
24. Svedeniya ob avtore [Information about the author], in Parchevskiy, T. *Zapiski gubernatora Kronshadta* [The Notes of the Governor of Kronstadt], Saint-Petersburg: Otdel kul'tury i nauki General'nogo konsul'stva Respubliki Pol'sha v Sankt-Peterburge, 2009, pp. 29–32.
25. Parchevskiy, F. *Khrabrost' i muzhestvo (psikhologicheskii etyud)* [Bravery and Courage (A Psychological Etude)], Helsingfors, 1916. 43 p.
26. XV-te Sprawozdanie Polskiego Towarzystwa Psychologicznego za czas od 1 stycznia 1921 do 31 marca 1922 [15th Report of the Polish Psychological Society from the 1st of January 1921 to the 31st of March 1922], in *Przegląd Filozoficzny*, 1922, no. 25, pp. 559–563.
27. Biuletyn posiedzeń naukowych Warszawskiego Instytutu Filozoficznego (1923–1924) [Newsletter of the scientific meetings of Warsaw Institute of Philosophy (1923–1924)], in *Przegląd Filozoficzny*, 1924, no. 27, pp. 260–272.
28. Po I Polskim Zjeździe filozoficznym [After the First Polish Congress of Philosophy], in *Ruch Filozoficzny*, 1923, vol. VII, pp. 129–132.
29. Parczewski, T. Wiadomości o współczesnej filozofji rosyjskiej [Information on the Contemporary Russian Philosophy], in *Przegląd Filozoficzny*, 1927, no. 30, pp. 88–89.
30. Pis'mo F. Parchevskogo K. Tvardovskomu ot 3.10.1927 [The Letter of T. Parchevsky to K. Twardowski from 3.10.1927], in *Archive of K. Twardowski* [Arkhiv K. Tvardovskogo], Institute of Philosophy and Sociology of Warsaw University, 678-927-6/X.
31. Tomasz Parczewski, in *Ruch Filozoficzny*, 1932–1935, vol. XIII, p. 30.
32. Polskie Towarzystwo psychologiczne [Polish Psychological Society], in *Ruch Filozoficzny*, 1924, vol. VIII, pp. 88–89.
33. IX-te sprawozdanie Warszawskiego Instytutu Filozoficznego za czas od 25 czerwca 1924 r. do 19 czerwca 1925 r. [9th Report of the Warsaw Institute of Philosophy from the 25th of June 1924 to the 19th of June 1925], in *Przegląd Filozoficzny*, 1925, no. 29, pp. 300–302.
34. Polskie Towarzystwo psychologiczne [Polish Psychological Society], in *Ruch Filozoficzny*, 1925, vol. IX, pp. 72–73.
35. Losskiy, N.O. *Filosofiya v universitete (K voprosu ob ustave) (1915)* [Philosophy at the University (Apropos of the Statute)], in *Issledovaniya po istorii russkoy mysli. 2004/2005* [Studies in History of Russian Thought. 2004/2005], Moscow: Modest Kolerov, 2007, pp. 278–282.
36. Оболевич, Т. Миколай Лосский: powrót do Polski [Nikolay Lossky: the Return to Poland], in *Polskie badania filozofii rosyjskiej. Przewodnik po literaturze. Część druga* [Polish Studies in Russian Philosophy. A Guidebook to the Literature], Warsaw: Wydawnictwo IFiS PAN, 2012, pp. 247–257.
37. Losskiy, N. *Vospominaniya. Zhizn' i filozofskiy put'* [Memoirs. The Life and the Philosophical Way], München: Wilhelm Fink Verlag, 1968. 334 p.
38. Parczewski, T.M. N. Łoski. Intuicywizm i współczesny realizm anglo-amerykański [N. Lossky. Intuitionism and the Contemporary English-American Realism], in *Kwartalnik Filozoficzny*, 1925, vol. III, pp. 385–401.
39. VII-te Sprawozdanie Warszawskiego Instytutu Filozoficznego za czas od 1 lipca 1922 do 25 czerwca 1923 [7th Report of the Warsaw Institute of Philosophy from the 1st of July 1922 to the 25th of June 1923], in *Przegląd Filozoficzny*, 1923, no. 26, pp. 115–117.
40. Warszawskie Towarzystwo Filozoficzne [Warsaw Philosophical Society], in *Ruch Filozoficzny*, 1928/29, vol. XI, pp. 173–179.
41. Pis'mo F. Parchevskogo K. Tvardovskomu ot 10.10.1931 [The Letter of T. Parchevsky to K. Twardowski from 10.10.1931], in *Arkhiv K. Tvardovskogo* [Archive of K. Twardowski], Institute of Philosophy and Sociology of Warsaw University, L. 1207R-12.X.1931.

42. VI-te sprawozdanie Warszawskiego Instytutu Filozoficznego za czas od 21 czerwca 1921 r. do 30 czerwca 1922 r. [6th Report of the Warsaw Institute of Philosophy from the 21st of June 1921 to the 30th of June 1922], in *Przegląd Filozoficzny*, 1922, vol. 25, pp. 556–559.
43. Rojek, P. W cieniu druzgocącego geniusza. Polskie badania filozofii Pawła Florenskiego [In the Shadow of the devastating genius. Polish studies in philosophy of Paul Florensky], in *Polskie badania filozofii rosyjskiej. Przewodnik po literaturze. Część druga* [Polish Studies in Russian Philosophy. A Guidebook to the Literature], Warsaw: Wydawnictwo IFiS PAN, 2012, pp. 207–245.
44. Parczewski, T. Aleksander Wwiedenski, in *Ruch Filozoficzny*, 1925, vol. IX, p. 30.
45. X-te sprawozdanie Warszawskiego Instytutu Filozoficznego za czas od 20 czerwca 1925 r. do 12 czerwca 1926 r. [10th Report of the Warsaw Institute of Philosophy from the 20th of June 1925 to the 12th of June 1926], in *Przegląd Filozoficzny*, 1926, no. 29, pp. 271–272.
46. Chizhevskiy, D.I. Filozofskie iskanija v Sovetskoj Rossii [Philosophical Investigations in Soviet Russia], in *Aleksey Fedorovich Losev*, Moscow: Russkij mir, 2007, pp. 516–519.
47. Chizhevskiy, D. A.F. Losev: Antichnyy kosmos i sovremennaya nauka. Moskva, 1927, str. 550. On zhe: Filozofija imeni. Moskva, 1927, str. 24. On zhe: Muzyka kak predmet logiki. Moskva, 1927, str. 262. On zhe: Dialektika khudozhestvennoy formy. Moskva, 1927, str. 250 [A.F. Losev, The Ancient Cosmos and Modern Science, Moscow, 1927, pp. 550. Idem, The Philosophy of Name, Moscow, 1927, pp. 24. Idem, Music as a Subject of Logic, Moscow, 1927, pp. 262. Idem, The Dialectic of Artistic Form, Moscow, 1927, pp. 250], in *Tvorchestvo A.F. Loseva v kontekste otechestvennoy i evropeyskoj kul'turnoy traditsii. Chast' I* [The Creativity of A.F. Losev in the context of native and European cultural tradition], Moscow: Dizajn i poligrafija, 2013, pp. 412–414.
48. Frank, S.L. Novaya russkaya filozofskaya sistema [A New Russian Philosophical System], in *Aleksey Fedorovich Losev*, Moscow: Russkij mir, 2007, pp. 514–516.
49. Parczewski, T. A.F. Łosief. Filozofia imieni. A.F. Łosief. Antichnyj kosmos i sovremennaja nauka [A.F. Losev, The Philosophy of Name, A.F. Losev, The Ancient Cosmos and Modern Science], in *Ruch Filozoficzny*, 1930–1931, vol. XII, pp. 34–35.
50. Parchevskiy, F. A.F. Losev. Filozofija imeni. Moskva, 1927. Str. 253 ; A.F. Losev. Antichnyy kosmos i sovremennaya nauka. Moskva, 1927. Str. 550 [A.F. Losev, The Philosophy of Name, Moscow, 1927, pp. 253; A.F. Losev, The Ancient Cosmos and Modern Science, Moscow, 1927, pp. 550], in *Byulleten' Biblioteki istorii russkoj filozofii i kul'tury «Dom A.F. Loseva»* [The Newsletter of the Library of History of Russian Philosophy and Culture «A.F. Losev's House»], 2014, issue 19, pp. 112–113.
51. Obolevich, T. Foma Parchevskiy – pervyy pol'skiy issledovatel' A.F. Loseva. Kommentariy k perevodu [Thomas Parchevsky – the first Polish investigator of A.F. Losev. The Comments on the Translation], in *Byulleten' Biblioteki istorii russkoj filozofii i kul'tury «Dom A. F. Loseva»* [The Newsletter of the Library of History of Russian Philosophy and Culture «A.F. Losev's House»], 2014, issue 19, pp. 110–112.
52. Błachowski, S. O słowiańskim zjeździe filozoficznym [On the Slavic Philosophical Congress], in *Ruch Filozoficzny*, 1924, vol. VIII, pp. 133–136.
53. Obolevich, T. *Uchastie russkikh filosofov vo Vtorom pol'skom filozofskom kongresse (1927)* [The participation of the Russian philosophers in the Second Philosophical Congress in Poland (1927)] (in print).
54. Głosy w sprawie Słowiańskiego zjazdu filozoficznego [The Voices about the Slavic Philosophical Congress], in *Ruch Filozoficzny*, 1925, vol. IX, pp. 1–6.
55. Pis'mo F. Parchevskogo K. Vorovke ot 19.05.1925 [The Letter of T. Parchevsky to K. Vorovka from 19.05.1925], in H. Pavlincová, *Karel Vorovka. Cesta matematika k filozofii* [Karel Vorovka. The path of mathematician to philosophy], Praha: Filosofia, 2010, p. 528.
56. Warszawskie Towarzystwo filozoficzne [Warsaw Philosophical Society], in *Ruch Filozoficzny*, 1930–1931, vol. X, pp. 216–230.

ПИСЬМА**Письмо Т. Парчевского К. Твардовскому**

3 октября 1927 г.
Варшава, Мокотова, 17, кв. 16

Уважаемый господин профессор,

Прежде, чем я пришлю в редакцию «Руху Филозофичнэго» отчет о русских философских сочинениях (что наступит в течение 1 – 1 1/2 месяцев), я хотел бы сделать несколько сообщений о том, что у меня есть под рукой. Они касаются русской философской организации в эмиграции («Религиозно-философская академия» в Париже с филиалом в Берлине), а также трех книг, вышедших за последний год. Это две книги Лосева, информацию о которых я передаю со слов Франка (поскольку здесь у нас пока нет этих книг) и работа Лосского о свободе воли, о которой в ближайшие дни я делаю доклад в Варшавском философском обществе. В свое время изложение этого доклада (вместе с оценкой книги) попадет, несомненно, в «Рух филозофичны». Работа Лосского вышла в эмиграции в 1926 г. (Н. Лосский, «Свобода воли» – YMCA Press, Париж, 1926), а Лосев издал в [неразб.] в 1927 г.

Сейчас я хотел бы добавить несколько слов «pro domo mea». Закрывая съезд, Вы, господин профессор, были настолько любезны, что упомянули и мою фамилию. Она была произнесена в последнюю очередь, после перечисления всех «докторов», как «господин» Парчевский. У меня было такое впечатление, что я пятое колесо в телеге. Поэтому для точности информации я должен добавить несколько фактов, которые показывают, в чем заключалось мое участие в организации этого съезда. Итак:

1. Это не кто иной, как я познакомил наши философские круги с современной русской философией, сделав около 10 докладов. Прежде здесь не знали даже фамилий, не было также самих сочинений. Итак, сама идея славянского съезда могла возникнуть только благодаря моим информациям.

2. Я использовал свои личные связи для того, чтобы собрать первых славян, которые были в Варшаве еще до съезда, в 1925 г.

3. Результатом этого было приглашение проф. Лукаевича в чешскую Прагу. Следовательно, пропагандирование польской науки.

4. Это не кто иной, как я подал мысль о созыве этого съезда, который только что состоялся.

5. Я предоставил реестр русских философов и их характеристику с целью выбора приглашенных. От русских я получал также данные о чехах, лемках и болгарях.

6. Во время работы исполнительного комитета, не будучи его членом, а всего лишь членом комиссии при нем, я существенным образом «помогал» комитету, особенно если замечал недостатки.

Если это «пятое колесо», то я предпочел бы, чтобы мою фамилию совсем пропустили в отчете, который, возможно, выйдет в свет, поскольку я делаю то, что делаю, не ради одной похвалы.

С высочайшим уважением,
Т. Парчевский

P.S. Я сообщил эти сведения о своей роли, поскольку Вы, господин профессор, могли об этом не знать.

У меня есть еще несколько слов к Вам как к президенту главного комитета (съездов). А именно: по моему мнению, между съездами слишком длинные промежутки (4 года). Польские съезды должны регулярно проходить каждый год как своего рода экзамен по итогам работы целого года. Это наверняка мобилизовало бы к работе. Именно так делается в Германии. В свою очередь, каждые 2–3 года Польша может принимать участие (или даже организовывать) в общеславянских и международных съездах.

Следует также выбрать более удобное время. Наилучшей порой является конец июня (19–30 июня). Неплохо бы было получить от государственного правительства (или от частных лиц) средства на проведение конкурсов философских работ. При этом комитет съездов объявлял бы конкурс годом ранее. В других областях существуют награды, как конкурсные, так и внеконкурсные.

Меня интересуют вопросы организации, и я полагаю, что Вы, господин профессор, не будете возражать против моих замечаний, тем более, что одна моя идея уже повлияла на организацию Второго съезда.

Несомненно, успех каждого предприятия зависит от хорошей организации. Еще раз приношу выражения высочайшего уважения,

Т. Парчевский

Письмо К. Твардовского Т. Парчевскому

Львов, 30 октября 1927 г.
Ув. г-н Т. Парчевский – Варшава

Уважаемый господин!

Сердечно благодарю Вас за письмо от 3 октября с.г. и за материалы для «Руху филозофичного». Подобного рода информация о философских организациях и русских книгах по философии всегда являются для меня весьма желанной.

Что касается личного вопроса, о котором Вы пишете мне в своем письме, позволю заметить, что лица, которые перечисленные мной в заключительной речи на съезде, благодаря их за помощь, оказанную комитету, были перечислены в алфавитном порядке по фамилиям, желая именно таким образом избежать всяческих личных обид. Только по этой причине Ваша фамилия, уважаемый господин, была произнесена в последнюю очередь. Я не был так тщательно проинформирован о деталях Вашего сотрудничества с исполнительным

комитетом, как сейчас, благодарю Вашему письму. Мне всего лишь сказали, что Вы, уважаемый господин, усердно и с великим желанием сотрудничали с комитетом. Поэтому не удивляйтесь, пожалуйста, что я не говорил о Вашей обширной работе. Однако верьте мне, что Ваш труд, который Вы, уважаемый господин, вложили в сотрудничество с исполнительным комитетом, был по достоинству оценен его членами.

Вопрос о промежутках, которые, по-Вашему мнению, следовало бы соблюдать между философскими съездами, а также вопрос о времени созыва съездов, я подниму при встрече с членами общего комитета.

Поручая и впредь «Рух философичны» Вашей памяти,

с выражением искреннего уважения,
К. Твардовский

Письмо Т. Парчевского К. Твардовскому

27мая 1929 г.
Варшава, Мокотова, 17, кв. 16

Уважаемый господин профессор,

Я хотел бы испросить Вашего совета, господин профессор (однако совершенно секретно) по одному интересующему меня (пока только теоретически) вопросу. Каковы условия получения габилитации для человека, который уже в другом месте начал процесс габилитации, но не закончил его. У которого имеется степень (после окончания университета), соответствующая докторской, который в свое время был «оставлен при университете для подготовки к профессуре» – это что-то вроде нашей ассистентуры, а также начал сдавать экзамен на степень магистра (т.е. габилитационный экзамен). Этот экзамен внезапно прервался, по независящим от кандидата причинам.

С высочайшим уважением,
Томаш Парчевский

Письмо К. Твардовского Т. Парчевскому

Львов, 5 июня 1929 г.
Т. Парчевский
Варшава Мокотовска

Уважаемый господин!

Отвечая на Ваше письмо от 27 мая с.г. я сообщаю, что мне трудно дать определенный ответ на все поставленные Вами вопросы – поскольку в том,

что касается признания учебы и научных степеней, полученных за пределами Польши, Советы факультетов имеют достаточно большую автономию, из-за чего они могут разниться друг с другом в своих мнениях. Мне лично представляется, что начатая за пределами Польши, но незаконченная габилизация не принималась бы во внимание, хотя я убежден, что заграничная научная степень, соответствующая нашему докторату, вероятнее всего, была бы признана наравне с нашим докторатом, который, как известно, является условием допуска к габилизации. Возможно, я мог бы предоставить Вам, уважаемый господин, более точные сведения, если бы я знал, как официально называется степень, полученная нашим кандидатом, и на каком университете она была получена. На всякий случай я охотно готов предоставить дальнейшую информацию, если того, о чем я пишу в этом письме, недостаточно.

Примите, пожалуйста, выражения искреннего уважения,
под которыми подписываюсь.

Письмо Т. Парчевского К. Твардовскому

8 мая 1931 г.
Варшава, Жолибонь, ул. Устроне 2, кв. 92

Многоуважаемый господин профессор,

Я пришлю изложение моего доклада «Психологический тип поляка» через 3–4 дня.

Что касается отчета по книгам Лосева, то это было странное дело. В данный момент я не припоминаю, писал ли я Вам, господин профессор, об этих книгах сразу же после съезда в 1927 г., потому что именно тогда они были благодаря мне высланы в Варшаву. Во всяком случае, тогда это не был заказ для «Руху филозофичнэго», и я их не купил (потому что они дорогие). Однако в Варшаве еще есть один экземпляр и я его приобрету. Однако работа потребовала бы около двух недель совершенно свободного времени, которое у меня появится только в июле. Поэтому, возможно, только в конце июля я смогу располагать этим изложением. Вследствие этого Вы, многоуважаемый господин профессор, сами решите, какой номер «Руху» был бы приемлем для моей работы.

С высочайшим уважением,
Т. Парчевский

P.S. В «Типе поляка» я привожу также Ваше мнение о характере поляка, высказанное Вами на Первом философском съезде 1929 г. во Львове.

Т.П.

Открытка Т. Парчевского К. Твардовскому

15 мая 1931 г.

Многоуважаемый господин профессор,

Удивительная вещь: я совершенно не помню, чтобы я когда-либо написал рецензию книг Лосева. Однако, если эти рецензии действительно существуют – меня наверняка подводит память.

Эти книги содержат:

1. «Философия имени» 253 [страницы].
 2. «Античный космос и современная наука» 550 [страниц].
- Я как раз сегодня выслал изложение доклада о типе поляка.
С высочайшим уважением,

Т. Парчевский

На лицевой стороне – адреса:

Томаш Парчевский
Варшава, Жолибонь,
ул. Устроне 2, кв. 92

Многоуов. г-н профессор доктор
Казимир Твардовский
Университет
Львов

Письмо Т. Парчевского К. Твардовскому

10 октября 1931 г.

Варшава, Жолибонь, ул. Устроне 2, кв. 92

Многоуважаемый господин профессор,

Я высылаю библиографическую заметку о новой книге Лосского для «Руху филозофичного»:

Николай Лосский, «Типы мировоззрений. Введение в метафизику»,
184 стр. Изд. «Современные записки». Сверстано YMCA-Press. Париж 1931.

Если Вам будет угодно, господин профессор, я мог бы написать краткую рецензию.

Т. Парчевский

P.S. Эту книгу я перевожу на польский. Т.П.

Заметка внизу письма другим почерком:

Запрошено заглавие в оригинальном звучании, благодарено за рецензию.

Открытка Т. Парчевского К. Твардовскому

21 октября 1931 г.

Заглавие книги:

Николай Лосский, «Типы мировоззрений. Введение в метафизику»,

Изд. «Современные записки». Верстка УМСА-Press.

Париж 1931.

184 страниц.

На лицевой стороне – адрес получателя:

Многоуважаемый г-н профессор

Казимир Твардовский

Университет

Письмо В. Парчевской К. Твардовскому

Рувнэ, 19 февраля 1934 г.

Уважаемый господин профессор!

Меня глубоко тронула Ваша память, выражение которой является высылка экземпляра «Руха Философичного».

Мне очень жаль, что я лично не могу сотрудничать на философском поприще, но я надеюсь, что наш сын, который пока что еще мал – ему десять лет, будет в будущем продолжать дело своего отца и сможет работать под Вашим светлым руководством.

С благодарностью за присланный «Рух»,
с выражением моего глубокого уважения,
В. Парчевская

Рувнэ – Вол.
Высока 11